

Since this drachma does not fit into the shekel weight system of the Yehud coins and stylistically resembles the coinages of Philistia (its attribution to Judah is based only on reading of the inscription as «YHD»), some scholars have proposed that it was issued in Gaza, or even by Edomite Jews.

Nevertheless, it is more likely that this coin was minted in Samaria. The iconography of Samaritan coinage is very similar to that of Philistia and demonstrates a strong Greek and (especially) Persian influence. In particular in Samaria we find the closest parallels to this coin, namely portraits of bearded warrior in helmet and images of winged Ahura Mazda (which are not found in Philistia). Moreover, if the reading «YHW» is accepted, it is probably the Samaritan Yahwe who is depicted on the drachma.

© 2008 г.

Н. Ю. Сивкина

«ОКОВЫ ЭЛЛАДЫ» В ПРАВЛЕНИЕ ФИЛИППА V

Как известно, три крепости Греции назывались «Оковами Эллады» (τὰς Ἑλληνικὰς πέδας – Polyb. XVIII. 11. 5; 45. 5). Это Деметриада (Polyb. XVIII. 11. 5; 45. 5), Халкида на Эвбее (Polyb. XVIII. 11. 5; 45. 5) и Коринф (Polyb. II. 52. 4; 54. 1; IV. 6. 5; XVIII. 11. 5; 45. 5; Plut. Arat. 16; Liv. XXXII. 16. 18). О их стратегическом положении говорит Тит Ливий (XXXII. 37. 1–3) в следующем пассаже: послы греков, обвиняя Филиппа в Риме, «...произвели впечатление на сенат, объясняя расположение суши и моря... дабы для всех стало очевидным, что Греция не может быть свободна, покуда царь удерживает Деметриаду в Фессалии, Халкиду на Эвбее, Коринф в Ахайе». Полибий (XVIII. 11. 4–9) уточняет это замечание: «...пелопоннесцам нельзя вздохнуть свободно, пока царский гарнизон стоит в Коринфе; локры, беотяне, фокидяне не могут быть спокойны, когда Филипп владеет Халкидой и всей Эвбеей; наконец, ни фессалийцы, ни магнеты не могут наслаждаться свободой до тех пор, пока Филипп и македоняне держат в своих руках Деметриаду... доколе названные выше местности остаются в его власти, он без труда снова подчинит себе эллинов в первый же день, как этого пожелает». О значении Коринфа говорит уже тот факт, что когда его наместник Александр отложился от македонского царя Антигона Гоната, то стал фактически независимым правителем. А если учесть победу Коринфа в войне против союзников Македонии – Аргоса и Афин, то можно утверждать, что Александр свел влияние Гоната южнее Фермопил к минимуму¹.

Филипп V не был первым из македонских правителей, кто поставил гарнизоны в данных крепостях. Подобную практику контроля за зависимыми территориями заложил еще Филипп II, учтя опыт доминировавших прежде в Греции государств – Афин, Спарты, Фив. Эти полисы держали другие города в подчинении, применяя изгнание противников, поддерживая то или иное правительство и вводя гарнизоны, что в конце концов приводило к внутренней борьбе, конфликтам между государствами и междоусобным войнам². Филипп II, видимо, хорошо знал последствия столь жесткого диктата, поэтому ограничился только закреплением за собой стратегически важных полисов. После битвы при Херонее в

¹ Сизов С.К. Ахейский союз. М., 1989. С. 31.

² Hammond N.G. Philip of Macedon. Baltimore, 1994. P. 159.

338 г. македонские гарнизоны были расположены в Коринфе, Амбракии (Diod. XVII. 3), из которой было удобно наблюдать за территориями Эпира, Этолии и Акарнании, в Фивах (Paus. IX. 1. 8; 6. 5; Diod. XVI. 87. 3) и, вероятно, в Халкиде на Эвбее³.

Примечательно, что в то время указанные гарнизоны не были «цепями Эллады». По свидетельству Диодора (XVII. 3), после смерти Филиппа амбракиоты выгнали македонский отряд, и Александр не настаивал на его возвращении. При восстании Фив македонский гарнизон в Кадмее был осажден и находился в таком положении до прибытия Александра (Arr. I. 7). У командира гарнизона даже не было достаточно сил, чтобы самому подавить мятеж и наказать нарушителей. В ходе борьбы диадохов в Греции находились гарнизоны нескольких преемников Александра Македонского, но лишь Деметрий Полиоркет мог претендовать на контроль за значительной территорией, которую он освободил от гарнизонов Кассандра, Полиперхонта и Птолемея в соответствии с прокламацией своего отца о свободе греков⁴. Тем не менее Деметрий в некоторых крепостях Эллады тоже оставил свои отряды. В частности, одним из городов, получивших гарнизон, был Коринф (Diod. XX. 103. 3). Но гарнизоны Деметрия, видимо, были довольно скромными, поскольку, как сообщает Плутарх, после битвы при Ипсе города, один за другим, изгоняли сторожевые отряды Деметрия (Demet. XXXI).

Антигон II Гонат (284–239) и Деметрий II (239–229) предпочли более жесткую политику в отношении греков, подобную той, которую после смерти Александра Македонского вели Антипатр и его сын Кассандр. Антигон способствовал введению гарнизонов в некоторые полисы и установлению тиранических режимов⁵ в Греции (Polyb. II. 41. 10; 43. 9; IX. 29. 6; Plut. Arat. 25). Его сын Деметрий сохранил эту систему контроля. В конечном счете распространение таких режимов под эгидой Македонии подтолкнуло состоятельную верхушку государств к борьбе против Антигонидов⁶. К началу 20-х годов III в. совместными усилиями двух крупнейших греческих федераций – Этолийского и Ахейского союзов Греция почти полностью была освобождена от македонского господства. Большим успехом в этой борьбе считается освобождение Коринфа (Plut.

³ Не исключено, что гарнизон мог появиться на Эвбее при Александре, – см. *Roe-buck C. The settlements of Philip II with the Greek states in 338 // Classical Philology. 1948. 43. P. 82*; до разрушения Фив Александром на Эвбее могло и не быть гарнизона, так как гарнизон располагался в Фивах, а доступ на Эвбею из магнезийского берега Фессалии достаточно легкий: *Ellis J.R. Philip II and Macedonian Imperialism. L., 1976. P. 202 f.*; *Cawkwell G. Philip of Macedon. Bristol, 1978. P. 168.*

⁴ Во время осады Тира Антигон объявил, что все эллины будут свободны, избавлены от гарнизонов и получат автономию (Diod. XIX. 61. 1–4). Вслед за этим последовали три попытки «освобождения» Греции. В Элладу были посланы войска под командованием Аристодема, затем в 312 г. под командованием Телесфора и в том же году под командованием Полемея. Эти экспедиции добились некоторых успехов. В частности, Диодор пишет, что гарнизон Кассандра был изгнан из Халкиды (XIX. 78. 2). Однако измена Полемея помешала осуществлению планов Антигона. Поэтому в 307 г. он отправляет в Грецию своего сына Деметрия, который получил приказ от своего отца «освободить все полисы в Элладе» (Diod. XX. 45. 1; Plut. Demet. VIII. 4). Деметрий освободил Афины, в которых находился гарнизон Кассандра (Diod. XX. 45–46; Plut. Demet. VIII. X; ISE. 7. 4). К концу 303 г. в руках Деметрия находилась большая часть Пелопоннеса и Средней Греции; все города, захваченные или сдавшиеся Деметрию, получали автономию и избавлялись от гарнизонов (Diod. XX. 45–46, 100–110).

⁵ О тиранах см. *Berve H. Die Tyrannis bei den Griechen. Bd I–II. München, 1967.*

⁶ *Сизов. Ахейский союз. С. 17 слл.*

Arat. 18–22). Лишь поражения в Клеоменовой войне (229–221 гг.)⁷, которые ахейцам нанесли спартанцы, заставили ахейского стратега Арата обратиться за помощью к македонскому царю Антигону Досону⁸. Примечательно, что последний требовал за предоставление помощи возвращения Акрокоринфа (Polyb. II. 51. 4 sqq.). После заключения союза с Ахейской федерацией Досон, в отличие от своих предшественников на троне, не насаждал гарнизоны в Греции⁹. Исключение представляли собой Акрокоринф, Орхомен и Герея (Polyb. II. 54. 2; 70. 4; V. 93. 8), которые так и остались под контролем Досона после завершения Клеоменовой войны. Введение македонских отрядов в другие города источники приписывают следующему правителю Македонии – Филиппу.

Действительно, можно отметить, что при Филиппе V македонские гарнизоны располагались во многих местах. В Фессалии, помимо Деметриады, гарнизон стоял в Атраке (Liv. XXXII. 17. 4–18. 3). Македонские отряды были в Орее и в Эретрии (Polyb. XVIII. 45. 5; Liv. XXXII. 16. 12), а также в Орхомене (Polyb. IV. 6. 6; Plut. Arat. 45). В Лепрее в Трифилии был поставлен македонский гарнизон в ходе Союзнической войны 220–217 годов (Polyb. IV. 80. 15). Тит Ливий упоминает о том, что Карист был усилен гарнизоном из Халкиды (XXXII. 16. 8), что предполагает присутствие македонских солдат в крепости до прибытия подкрепления. В самом крупном городе Фокиды в Элатее также располагался македонский гарнизон (Liv. XXXII. 24). В Опунте, главном городе Восточной Локриды, находился сторожевой отряд Филиппа во время второй Римско-македонской войны (Liv. XXXII. 32. 4). Недавние находки позволяют утверждать, что македонский гарнизон был еще в одном пункте Восточной Локриды, в Кине¹⁰. Там найден военный устав гарнизонной службы, идентичный известному ранее из Халкиды. Находка такого документа свидетельствует о стратегической значимости этого населенного пункта и позволяет предположить, что подобные документы имелись и в других крепостях, удерживавшихся македонскими силами¹¹. Кроме того, острова Андрос, Парос и Китн в Кикладском архипелаге имели гарнизоны Филиппа (Liv. XXXI. 15. 8); были еще азиатские города, куда Филипп ввел своих солдат (Liv. XXXIII. 18. 21; 30. 3).

⁷ О Клеоменовой войне см., например: Жигунин В.Д. Международные отношения эллинистических государств в 280–220 гг. до н.э. Казань, 1980. С. 146 слл.; Дройзен И. История эллинизма. Т. 3. СПб., 2002; Will E. Histoire politique du monde hellénistique. T. I. 2 ed. Nancy, 1979. P. 343 suiv.; Walbank F. Macedonia and Greece // CAH2. Vol. 7. 1984. P. 461 ff.

⁸ Эллинская лига была образована в 224 г. до н.э. по инициативе Ахейского союза. О причинах, подтолкнувших ахейцев к сближению с Македонией, см. Plut. Arat. 38. 11; 39. 2; 41. 3; Cleom. 15. 2 sqq.; 17. 6 sqq.; 19. 1; 22. 4; Polyb. II. 51. 2; 52. 2, 4. См. также Сизов С.К. Тайная дипломатия в годы Клеоменовой войны // Из истории античного общества. Горький, 1988. С. 58 слл.; он же. Ахейский союз. С. 101 слл.

⁹ Перспектива включения всей Греции в сферу македонского влияния была слишком заманчива, чтобы Антигон совсем отказался от нее. Но на первых порах его политика не должна была вызывать недовольства новых союзников, если он хотел закрепиться в Греции. Только выполнение союзнических обязательств без претензий на большее давало ему время, чтобы упрочить его позиции для дальнейших шагов. Поэтому сам Антигон не успел показать свои истинные намерения – его и вспоминали как «правителя мягкого и справедливого» (Polyb. II. 47. 4; 64. 6; 70. 1; 70. 7; IV. 87. 6; V. 9. 9 sqq.; Liv. XXXII. 21, 25).

¹⁰ Полибий упоминает Кин в 219 г., когда Филипп переправился из Фессалии на Эвбею, оттуда достиг Кина, а затем через Беотию и Мегариду подошел к Коринфу (Polyb. IV. 67. 6–7). Возможно, именно тогда Кин получил македонский гарнизон.

¹¹ Hatzipoulos M.B. L'organisation de l'armée macédonienne sous les Antigonides: problèmes anciens et documents nouveaux. Athènes, 2001. P. 29 suiv.

Столь значительное македонское присутствие в Греции требовало серьезного обоснования. Иными словами, прежде всего следует выяснить, было ли установление гарнизонов нарушением союзного договора между Филиппом V и греками. К сожалению, текст этого договора не сохранился, об отдельных условиях можно говорить на основании данных Полибия и на сопоставлении их с источниками по истории Коринфских лиг, существовавших ранее¹². Вероятно, в договоре Эллинской лиги, образованной в 224 г. в ходе Клеоменовой войны, гарантировалась неизменность государственных устройств, которые существовали у участников лиги на момент заключения договора, и их автономия; запрещались введение гарнизонов и выплата дани (Polyb. IV. 25. 7). С одной стороны, Филипп явно нарушил это соглашение с греками. Однако, с другой стороны, можно вспомнить тот факт, что и прежде случалось, что полис, считавшийся «свободным», имел гарнизон¹³. Ко времени правления Филиппа нарушение этого пункта стало уже обыденным явлением. Важнее другое – следует указать на то обстоятельство, что многие гарнизоны, например на Эвбее, появились в городах только в ходе военных действий – в период Союзнической войны 220–217 годов. Поскольку после окончания этой войны Филипп V вскоре был втянут в конфликт с римлянами, условия военного времени продолжали оправдывать существование гарнизонов в греческих городах. Примечателен тот факт (Liv. XXXIII. 31. 11), что после поражения во второй Римско-македонской войне Филипп потерял все эти крепости. Коринф был передан ахейцам, но в Акрокоринфе остался римский гарнизон. Халкиду и Демектриаду римляне оставили за собой, мотивируя этот шаг тем же обстоятельством, которым прежде пользовался македонский царь: приближением новой войны (с Антиохом).

¹² Общую литературу по Коринфским лигам Филиппа II, Антигона Одноглазого и Антигона Досона см.: *Борухович В.Г.* Коринфский конгресс 338 г. до н.э. и его значение // Уч. зап. ГГУ. 1959. 46. С. 199–208; *Кондратьев М.А.* Коринфская лига и ее роль в политической истории Греции 30–20-х гг. IV века до н.э. // ВДИ. 1977. № 2. С. 25–42; *Маринович Л.П.* Конец классической Греции (Ламийская война) // Эллинизм: экономика, политика, культура. М., 1990; *Фролов Э.Д.* Коринфский конгресс 338/7 г. до н.э. и объединение Эллады // ВДИ. 1974. № 1. С. 45–62; *он же.* Панэллинизм в политике IV века до н.э. // Античная Греция. Т. 2. М., 1983. С. 157–207; *Мищенко Ф.Г.* Федеративная Эллада и Полибий // *Полибий*. Всеобщая история. Т.1. СПб., 1994. С. 35–141; *Самохина Г.С.* Панэллинская идея в политике Македонии конца III в. до н.э. // Социальная структура и политическая организация античного общества. Л., 1982. С. 104–119; *Cawkwell. Philip of Macedon*; *Ellis J.R.* Philip II and Macedonian Imperialism. London, 1976; *Hammond N.* Philip of Macedon. Baltimore, 1994; *Hammond N., Griffith G.* A History of Macedonia. Vol. 2. Oxf., 1979; *Jehne M.* Koine Eirene. Stuttgart, 1994; *Larsen J.A.O.* Representative government in Greek and Roman History. Berkeley–Los Angeles, 1956; *idem.* Greek Federal States. Their Institutions and History. Oxf., 1968; *Perlman S.* Greek diplomatic tradition and the Corinthian league of Philip of Makedon // *Historia*. 1985. 34. P. 153–174; *Ryder T.T.B.* Koine Eirene. General Peace and Local Independence in Ancient Greece. Oxf., 1965; *Wilcken U.* Alexander der Grosse und der Korinthische Bund // SB Berlin. 1922. 18. S. 97–118; *idem.* Beiträge zur Geschichte des Korinthischen Bundes // SB. München. 1917. 10. S. 1–40; *idem.* Philipp II von Makedonien und die panhellenische Idee // SB Berlin. 1929. 18. S. 291–318; *Heuss A.* Antigonos Monophthalmos und die griechischen Städte // *Hermes*. 1938. LXXII. S. 133–194; *Ferguson W.S.* Demetrius Poliorcetes and the Hellenic League // *Hesperia*. 1948. 17. № 2. P. 112–133; *Bengtson H.* Die Diadochen: Die Nachfolger Alexanders des Grossen. München, 1987; *Hammond N.G.*, *Walbank F.W.* A History of Macedonia. Vol. 3. Oxf., 1988; *Hammond N.* The Macedonian State. Origins, Institutions and History. Oxf., 1989; *Billows R.* Antigonos the One-Eyed and the Creation of the Hellenistic State. Berkeley–Los Angeles–London, 1990.

¹³ *Briscoe J.* The Antigonids and the Greek states, 276–196 B.C. // *Imperialism in the Ancient World*. Cambr., 1978. P. 149.

В таком случае необходимо рассмотреть вопрос, как сами союзники воспринимали подобное нарушение македонским царем условия договора лиги. Можно сказать, что источники не приводят ни одного случая в Греции (азиатские крепости в союз не входили), когда Филипп установил бы гарнизон вопреки воле союзников. Знаменитый инцидент на Ифоме, описанный Полибием и Плутархом, как нельзя лучше подтверждает этот тезис. На горе Ифоме располагался мессенский кремль, в который македонский царь Филипп V давно планировал ввести свой гарнизон. Филипп отправился туда для принесения жертв. Сцена жертвоприношения, описанная Плутархом (Arat. 50), полностью совпадает с версией, изложенной Полибием (VII. 11), о ней же упоминает и Страбон (VIII. 4. 8). Намек на спор двух лидеров союза в мессенской крепости можно усмотреть и в словах Павсания (II. 9. 4): ахейский стратег Арат «...удерживал царя от поступков, на которые тот уже решился». Полибий пересказывает диалог македонского царя с Аратом, который заставил Филиппа отказаться от задуманного плана, намекнув на разрыв союзных отношений в случае такого насилия над мессенянами. Характерно, что царь пытался мирно занять Ифому. В случае размещения там македонского гарнизона Филипп V получал двойной выигрыш. Во-первых, в его распоряжении оказался бы еще один стратегический пункт в Пелопоннесе. Во-вторых, Мессения воздержалась бы от дальнейших социальных смут и государственных переворотов. Но именно эти преимущества не мог отдать в руки македонян Арат. Стоит вспомнить, что в Эллинской лиге 224 г. союзники отличались гораздо большей самостоятельностью по отношению к центральной власти, чем в подобных организациях более раннего времени¹⁴. Поэтому Филипп не имел возможности действовать без согласия греков-участников лиги, угроза Арата о расторжении союза была вполне реальной. Такое событие как установление гарнизона в союзном городе нужно было тщательно обосновать, чтобы не навлечь на себя обвинений в агрессии.

Источники неоднократно показывают положительные стороны установления гарнизонов. Прежде всего, они были гарантом от социальных потрясений, а в условиях военного времени – и от измены. Со времен Энея Тактика любой полководец должен был принимать во внимание тот факт, что внутренний враг не менее опасен, чем внешний¹⁵. Характерен пример с аркадским городом Кинифой. Там был поставлен ахейский гарнизон, однако в 220 г. до н.э. после достигнутого соглашения и примирения сторон он был выведен. Вернувшиеся домой граждане приняли активное участие в жизни полиса, некоторые из них были избраны на должность полемархов (Polyb. IV. 18. 4: οἱ δὲ πολέμαρχοῦντες τῶν δυνάδων...). Однако бывшие изгнанники вскоре замыслили сдать город этолийцам (Polyb. IV. 17. 10), изменники из числа полемархов убили своих коллег и открыли ворота этолийским войскам под командованием Доримаха. Население города, включая изменников, было перебито, имущество их было разграблено (Polyb. IV. 18. 7–8).

Гарнизоны были предметом неустанной заботы и внимания со стороны македонского царя. Сохранившиеся фрагменты экземпляров устава гарнизонной

¹⁴ Schmitt H.H. Die Staatsverträge des Altertums. III: Die Verträge der griechisch-römischen Welt von 338 bis 200 v. Chr. München, 1969. S. 216; Klose P. Die völkerrechtliche Ordnung der hellenistischen Staatenwelt in der Zeit von 280 bis 168 v. Chr. München, 1972. S. 107; Niese B. Geschichte der griechischen und makedonischen Staaten seit der Schlacht bei Chaeroneia. Tl. 2. Gotha, 1899. S. 336; Will E. Histoire politique du monde hellénistique (323–30 a.v. J.C.). T. 1. Nancy, 1966. P. 355.

¹⁵ Подробнее см. Маринович Л.П. Социально-политическая борьба и наемничество в Греции IV в. до н.э. в трактате Энея Тактика // ВДИ. 1962. № 3. С. 49–77.

службы из Халкиды и Кина¹⁶ касаются не столько вопросов военных, сколько экономических. Например, эконоμ должен был следить, чтобы хранящиеся в амбарах продукты оставались неиспорченными (οἱ οἰκονόμοι επιμελείσθωσαν, ὅπως τὰ διαταχθέντα ὑπὸ τοῦ βασιλέως εἰς τὰς παραθέσεις διατηρῆται ἄφθαρτα: 1 I, v. 1–3), позаботиться, чтобы ничто не было похищено (φροντίζεσθωσαν, ὅπως μὴ ἐκ τῆς παραθέσεως ἀφαιρῆται: 1 I, v. 11–12), и своевременно менять то, что пришло в негодность (1 I, v. 12–15); предусматривалась ответственность эконоμ и фрурархов за хищения (1 I, v. 26–37). За недонесение о должностном преступлении устанавливался огромный штраф в 600 драхм (1 I, v. 44–46; 1 II, v. 6–9). Закреплены были даже такие детали, как сорт вина, который следовало привозить (...ὅπως ὁ οἶνος ἀγῆται ἐφέτειος ἤδὺς βεβασανισμένος: 1 I, v. 18–21). Такие подробности объясняются, прежде всего, особой ролью, отводимой Филиппом гарнизонам в системе контроля за Грецией, не допускавшей появления малейшего недовольства среди солдат, тем более наемников, численность которых была значительна¹⁷. Например, в Коринфе, где, вероятно, был самый многочисленный гарнизон¹⁸, обычно находилось 1300 воинов – 500 македонян и 800 наемников¹⁹ (Liv. XXXIII. 14. 3).

Примечательно, что в отличие от времени Филиппа II и его преемников, в период римско-македонских войн гарнизоны Филиппа V не только удерживали население от измены, но и упорно обороняли вверенные им крепости. Так, в ходе первой Римско-македонской войны римляне и Аттал осаждали Орей на Эвбее. Захватить город им удалось лишь потому, что они вели тайные переговоры с Платором²⁰, который и впустил их в город (Ibid. 6. 1–7). А вот захват Халкиды у них провалился (ibid. 6. 8–12). Македонская Кассандрия, бывшая Потидея на Халкидике, имела сильный гарнизон, который в ходе второй Римско-македонской войны отбил все атаки римлян и Аттала, принудив врага ввиду бесперспективности действий снять осаду (Liv. XXXI. 45. 14–15). Орей во второй войне защищался с необычайной храбростью, так что римлянам пришлось отказаться от быстрого натиска и перейти к длительной осаде, сделав ставку на орудия и подкопы, что в конечном итоге и решило дело (ibid. 46. 6–16). Флот Аттала пытался захватить Карист, но оказалось, что защита усилена подмогой из Халкиды, поэтому противник был вынужден оставить эту затею (Liv. XXXII. 16. 7–8). Лишь когда к Каристу подошли три флота – римский, пергамский и родосский, крепость была сдана, а гарнизону за выкуп разрешили уйти (ibid. 17. 1–2). Эретрию осаждали объединенные римские и пергамские силы, корабли были оснащены метательными орудиями и осадными машинами (ibid. 16. 10). Тем не менее защитники держались, сколько могли, при этом македонский гарнизон не

¹⁶ Цит по кн.: *Hatzopoulos M.B.* L'organisation de l'armée macédonienne sous les Antigonides... Appendice epigraphique. 1 I, 1 II.

¹⁷ По подсчетам Г.Т. Гриффита (*Griffith G.T.* The Mercenaries of the Hellenistic World. Cambr., 1935. P. 72 ff.), гарнизоны македонского царя в совокупности могли состоять из 15 тыс. наемников. Филипп, конечно, не мог не знать недостатки наемных войск, вероятность измены которых была довольно высока. Однако поскольку собственных сил было явно недостаточно для охраны всех крепостей, приходилось использовать наемников. Видимо, два обстоятельства обеспечивали македонскому царю их лояльность: во-первых, своевременная выплата жалованья и, во-вторых, привлечение для гарнизонной службы наемников варварских народностей.

¹⁸ *Griffith.* The Mercenaries... P. 71.

¹⁹ *Кащеев В.И.* Эллинистический мир и Рим. М., 1993. С. 155.

²⁰ Ливий говорит (XXVIII. 6. 1–7), что Филипп вверил город Платору. Вероятно, изменник был командиром гарнизона.

позволил сразу сдать город (ibid. 16. 11–16). Фессалийский город Атрак, где находился македонский гарнизон, римляне так и не взяли (ibid. 17. 4–18. 3). Самый крупный фокидский город Элатея, где также был поставлен македонский гарнизон, закрыла перед римлянами ворота, лишь после долгой осады врагу удалось захватить сам город, но не крепость, которую македоняне покинули после заключения соглашения с консулом (ibid. 18. 9; 24. 7). Опунт в Восточной Локриде в разгар войны был охвачен внутренней смутой, население призвало этолийцев и римлян, однако македонский гарнизон не ушел несмотря на угрозы опунтцев, ни при виде римских войск (ibid. 32. 4). Наконец, Коринф подвергся нападению римлян, родосцев, Атталы и ахейцев, изменивших Филиппу (ibid. 23. 4). Ливий отмечает редкое единодушие населения и македонского гарнизона. Командир гарнизона Андросфен воспринимался жителями как гражданин полиса (ibid. 23. 5). Узнав о спешивших на помощь Коринфу подкреплениях из Халкиды, противник предпочел снять осаду (ibid. 11–13). Примечательно, что шансов у гарнизона удержать город собственными силами против объединенных вражеских армий было мало. Но так называемые «цепи Эллады» остались за македонянами, ни Халкиду, ни Коринф врагу взять не удалось. Более того, эти крепости имели возможность оказывать помощь другим гарнизонам. Именно надежда на прибытие подкрепления заставила гарнизон Эретрии держаться длительное время, и лишь когда стало ясно, что помощи ждать бесполезно, крепость была сдана (ibid. 16. 11–16).

Стоит отметить, что гарнизоны македонского правителя не были устанавливаемы одновременно во всех перечисленных выше городах, и выбор места для ввода сторожевых отрядов не был произволен. Напротив, Филипп планомерно создавал свою схему контроля над Грецией. Согласно его замыслу в Греции должно было быть несколько опорных пунктов, где могли базироваться не просто гарнизоны, а своего рода «силы быстрого реагирования», если воспользоваться современной терминологией. К таким базам – «оковам Греции» относились Деметриада, Халкида, Коринф, вероятно, мессенский кремль на Ифоме и, возможно, один из греческих полисов Иллирии²¹ – Эпидамн или Аполлония и т.п. Правда, в западной части Греции Филиппу удалось реализовать не все задуманное.

²¹ Греческие поселения на иллирийском побережье не имели тесных связей с Македонией и были ориентированы на запад. Считается, что установление римского протектората над Иллирией имело следствием состояние «холодной войны» между Римом и Македонией, если воспользоваться современной терминологией. Предоставление Филиппом убежища иллирийскому династу Деметрию после разгрома его римлянами и нежелание выдать этого авантюриста (*Liv.* XXII. 33. 3) в 217 г., а также захват Дассаретиды в борьбе против другого иллирийского вождя – Скердилаида и претензии македонского царя на Аполлонию в следующем году – все эти шаги были расценены сенатом как акт открытой вражды. Однако подобное восприятие действий Филиппа было основано на несходстве римского и эллинистического менталитета (*Смыков Е.В.* Антоний и Дионис (Из истории религиозной политики триумвира М. Антония) // АМА. Вып. 11. Саратов, 2002. С. 82). Цели молодого царя в отношении Иллирии в конце Союзнической войны не касались римлян. При этом не следует говорить и о том, что македонский правитель планировал установить собственный протекторат над этими землями. Его ближайшей заботой становилась война с бывшим союзником Скердилаидом – нарушителем Общего Мира, напавшим на земли Западной Македонии. Именно против него, а не против Италии, как убедительно показал А.П. Беликов (*Беликов А.П.* Рим и эллинизм: проблемы политических, экономических и культурных контактов. Ставрополь, 2003. С. 63–64), царь построил 100 лемб для переброски своих сил. Именно против пиратов, борясь за свободу мореплавания, царь намеревался создать морские базы на западном побережье Балкан.

Гарнизоны в остальных городах должны были иметь вспомогательное назначение, многие из них были установлены либо после завоевания данной территории, либо на случай отражения внешней угрозы, исходящей, главным образом, от этолийцев. Вероятно, не будет выглядеть очень смелым предположение, что со временем, если бы не вмешательство римлян, необходимость в этом втором звене контроля отпала бы и македоняне вывели бы свои силы.

В эту же схему контроля вписывается существование «царских уполномоченных» в Греции. В начале правления Филиппа им был Таврион, который находился в Пелопоннесе²². Он был назначен на эту должность еще Антигоном Досоном, вероятно, после победы над Спартой в 222 г. (Polyb. IV. 6. 4; 10. 6; 19. 7). В ходе Союзнической войны 220–217 годов кроме Тавриона действовал еще один представитель царя, но в другом регионе. Функцию надзора за Средней Грецией, видимо, исполнял Александр²³, который располагался в Фокиде. Источники не сохранили упоминаний о таких чиновниках в Пелопоннесе и Средней Греции в период римско-македонских войн, что можно истолковать как их отсутствие. Однако есть основания предполагать, что подобными полномочиями обладал Филокл в ходе второй Римско-македонской войны, ставка которого была в Халкиде. Тит Ливий называет его царским префектом (XXXII. 23. 11), что вполне может соответствовать несколько неопределенному греческому термину «уполномоченный по делам в Пелопоннесе» (ὁ ἐπὶ τῶν ἐν Πελοποννήσῳ βασιλικῶν πραγμάτων καταλελειμμένος – Polyb. IV. 6. 4). К сожалению, нет точных сведений о том, когда Таврион и Александр были отозваны и в какой период Филокл прибыл в Халкиду. Тем не менее возможно допущение, что Таврион и Александр находились на своих постах до первой Римско-македонской войны, поскольку последнее упоминание о Таврионе относится к концу жизни Арата, т.е. к 213 году Филокл, вероятно, сменил их на посту в ходе или после первой Римско-македонской войны. Таким образом, можно отметить, что место базирования чиновника зависело от того, какой регион являлся наименее стабильным. Таврион был назначен в Пелопоннес после поражения Спарты, Александр в Союзнической войне наблюдал за государствами-членами Эллинской лиги, которые не принимали активного участия в боевых действиях. Халкида контролировала морские коммуникации, именно они приобрели большое значение между двумя римско-македонскими войнами, поскольку внимание македонского правителя было направлено на острова и побережье Малой Азии. Иными словами, уполномоченный назначался в конкретный регион и на определенный период.

Естественно, необходимо затронуть вопрос о назначении этой схемы контроля, самым стабильным элементом которой были так называемые «оковы Греции». На наш взгляд, задуманную Филиппом систему контроля нельзя однозначно оценивать отрицательно. Следует помнить, что весь начальный период своего правления он стремился к соблюдению греками договора Общего Мира²⁴.

²² Подробнее см. Сивкина Н.Ю. Должность Тавриона в Эллинской лиге 224 г. до н.э. // Античное общество IV. Власть и общество в античности. СПб., 2001. С.101–107.

²³ Walbank F. A historical commentary on Polybios. Vol. 1. Oxf., 1957. P. 625; Bengtson H. Die Strategie in der hellenistischen Zeit. Bd 2. München, 1944. S. 363.

²⁴ Характерными условиями Общего Мира были следующие: 1) запрещение междоусобных конфликтов, 2) автономия греческих государств, 3) гарантия помощи в случае нарушения мира и 4) борьба с пиратством. Привлекая свидетельства Полибия, можно утверждать, что все перечисленные условия были включены в договор 224 г. (Polyb. IV. 3. 8; 15. 2; 16. 5; 24. 5).

По итогам Союзнической войны можно говорить об успехе этой линии политики, этолийцев принудили к соблюдению мирных условий²⁵. Однако гражданский мир не мог наступить в одночасье, с момента подписания мира между Этолийской федерацией и Эллинской лигой. Требовалось время, переходный период, но он мог занять несколько десятков лет, прежде чем Общий Мир стал бы реальностью. Вполне естественно, что на первых порах требовалась такая система контроля, которая удержала бы колеблющихся от необдуманных поступков и не позволила бы нарушителю мира остаться безнаказанным. Эллинская лига не могла полностью служить этой цели. Во-первых, она включала в себя не все государства Греции²⁶; во-вторых, для осуществления контроля требовалось жесткое руководство, которого Филипп в союзе не имел.

Вполне вероятно, что враги увидели в создаваемой системе прекрасную возможность очернить царя и перед противниками, и перед союзниками. На опорных пунктах македонского контроля – Деметриаде, Халкиде и Коринфе, как наиболее стабильном элементе системы, сосредоточились их основные нападки на македонского царя. Немалую роль в этом сыграли слова самого Филиппа: именно он назвал данные крепости «цепями Эллады» (Liv. XXXII. 37. 4) и тем самым дал противнику актуальную тему для антимакедонской пропаганды. Однако, вероятно, эти слова были проявлением злого юмора Филиппа. Источники отмечают свойственную ему едкую насмешливость, которая часто выглядела неуместно (Polyb. XVIII. 4. 4; Liv. XXXII. 34. 3). Известно, например, его высказывание в адрес этолийского стратега Фенея в момент переговоров с Фламинием (Liv. XXXII. 34. 3; Polyb. XVIII. 4. 4); можно упомянуть и надпись, сделанную на развалинах в Ферме, видимо, с одобрения царя (Polyb. V. 9. 4–5).

Подводя итог сказанному выше, следует отметить, что «оковы Греции» были частью весьма удачной и продуманной системы контроля над греческими государствами. Однако в полной мере Филиппу не удалось ее создать. Для этого требовались время и солидарность союзников. Первое вмешательство римлян в греческие дела заставило Филиппа ускорить реализацию задуманного, но в глазах греков он стал притеснителем и тираном, что в конечном счете способствовало краху его планов.

«FETTERS OF GREECE» IN PHILIP V's REIGN

N. Yu. Sivkina

Demetrias, Corinth and Chalcis on Euboea had great strategic value. Philip V aspired to peace cooperation with Greeks within the framework of the Common Peace treaty. For the transitional period the king tried to establish a new system of control over the Greek states. This system included three levels: (1) strong bases or «fethers of Greece» as Philip himself had once called them; (2) garrisons in large cities and (3) officers who were in charge of Macedonian affairs in certain areas. The most stable element of system – «fethers of Greece» – became a subject of anti-Macedonian propaganda. The Greeks regarded Philip as oppressor and tyrant, which resulted in a crash of his plans.

²⁵ Недаром после заключения мира в Навпакте они стали проявлять недовольство, как указывает Полибий, тем обстоятельством, что договор «отрезал им все пути добычи на стороне и отнял у них всякую надежду на будущее» (V. 107. 6).

²⁶ Сивкина Н.Ю. Состав Эллинской лиги 224 г. до н.э. // Проблемы истории и творческое наследие профессора Н.П. Соколова. Нижний Новгород, 1998. С. 43–48.